

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГОСТЯ: АФИФ И. САФИЯ

Сегодня у нас в гостях видный специалист в области политики и международных отношений Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Палестина в Российской Федерации доктор Аффиф Сафия.

Наш гость родился в Иерусалиме в 1950 году. Окончил «Коллеж ди Фрер» («Колледж Братьев») в Иерусалиме и Католический университет в Лувене (Бельгия) по специальности «Политические науки и международные отношения». Проходил обучение в Национальном фонде политических наук в Париже и в Гарвардском университете.

С 1969 по 1971 год был президентом Бельгийской секции Всеобщего союза палестинских студентов, позже – президентом Французского отделения Всеобщего союза палестинских студентов.

Господин Сафия на дипломатической службе с 1976 года. Занимал должность заместителя директора Миссии Организации освобождения Палестины при Организации Объединенных Наций в Женеве, был членом Администрации в офисе Президента Ясира Арафата в Бейруте, ответственным по европейским вопросам и по учреждениям ООН. Представлял интересы Палестины в США, Великобритании, Ватикане, Нидерландах.

С 1981 по 1985 год – научный сотрудник Центра европейских исследований в Католическом университете в Лувене.

В ноябре-декабре 1988 года принимал участие в переговорах в Стокгольме, которые привели к официальному и прямому американо-палестинскому диалогу. В январе 1995 года был приглашен участвовать в Международном совете доверенных лиц в Вифлеемском университете.

В мае 2008 года Аффиф Сафия был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Государства Палестина в Российской Федерации.

«Россия имеет с нашим регионом глубокие исторические связи», – считает господин посол и со своей стороны всемерно способствует поддержанию политического диалога между Россией и Палестиной, а также развитию культурных, деловых и межрегиональных контактов.

Доктор Сафия – автор двух сборников статей: «Самоопределение» (1986), «На один народ больше» (1987) и четырех буклетов: «Дети меньшего Бога?», «Конец предыстории», «О палестинской дипломатии», «В поисках палестинской самоидентификации».

Господин Сафия женат, его супруга госпожа Кристина Леклерк сегодня присутствует на встрече. У них две дочери – Диана и Ранда.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА,
первый проректор СПбГУП

Аффиф И. Сафия,

Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Палестина в Российской Федерации, доктор

ДИПЛОМАТИЯ ПАЛЕСТИНЫ*

Уважаемые дамы и господа! Разрешите поблагодарить организаторов этой встречи за теплый прием! Для меня большая честь быть в вашем престижном Университете, в этом замечательном городе. Я рассматриваю как особую привилегию возможность обратиться к аудитории

известных педагогов и многообещающих молодых студентов.

Мы с женой приехали в Санкт-Петербург с большими ожиданиями, но увиденное здесь намного превзошло их. Ваш город богат архитектурным, культурным и художественным наследием. Признаюсь, мы

попали под чары великолепного Петербурга!

В вашем городе много ученых и академических учреждений, которые специализируются на восточных, арабских и исламских исследованиях. Это город, который знает о вкладе арабской культуры и исламской

* Лекция прочитана в СПбГУП 10 марта 2009 г.

цивилизации в возрождение европейского континента.

В наши дни широко распространена идея, что мы живем во все более «сжимающемся» мире — глобальной планетарной «деревне». Благодаря технологическим революциям, невообразимым усовершенствованиям в транспортировке и постоянно увеличивающейся скорости коммуникации все в мире стало взаимозависимым. Сегодня нет ни одного конфликта, который бы остался локальным. Мы все немедленно затронуты последствиями любого очага нестабильности, вспыхнувшего где-либо в мире. Я могу сказать без риска быть опровергнутым, что любая эскалация напряженности на Ближнем Востоке едва ли может быть описана как местное явление, поскольку она, бесспорно, имеет глобальные разветвления.

Палестина находится на перекрестке трех главных континентов: Азии, Африки и Европы. Этот регион между Месопотамией (Ираком) и Египтом стал колыбелью цивилизаций. Это место рождения религий имеет всеобщую притягательность. На протяжении веков все возвеличивающиеся державы нуждались в своей точке опоры в Палестине. В XIX столетии Палестина была частью Османской империи. Палестина, Иерусалим и Вифлеем в особенности стали площадкой для межъевропейского соперничества. Я уверен, вы знаете, что именно Палестина стала причиной Крымской (Восточной) войны 1853–1856 годов.

В XIX столетии мы были свидетелями рождения Императорского православного палестинского общества, цель которого состояла в том, чтобы предлагать средства обслуживания и кров все увеличивающемуся потоку российских паломников в Святую Землю. Вместе с Русской православной церковью (РПЦ) в Палестине, Сирии и Ливане было открыто впечатляющее количество школ (более ста). Они внесли значительный вклад в образование новой, современной преобразованной элиты, которая сыграла решающую роль в арабском пробуждении, тем самым возвратив исторический долг нескольких столетий.

Мы счастливы, что свершилось воссоединение и возвращение Русской православной церкви в Святую Зем-

лю. Палестинская национальная автономия с гордостью подтвердила все права на собственность, которой РПЦ владела в палестинских областях. Мы восхищены новой волной энергии и оживлением деятельности Императорского православного палестинского общества. Мы рады и всячески содействуем духовному, культурному, экономическому, политическому и дипломатическому возвращению на Ближний Восток наших российских партнеров, стараясь вести конструктивный диалог.

Для меня и моей жены служить в России — честь и привилегия. Мы оба с открытым сердцем вложим всю нашу энергию в расширение и углубление двусторонних российско-палестинских отношений. Россия была одной из первых стран, которые услышали наш зов об освобождении из рабской зависимости. Мы благодарны за это России. Осознавая большую ответственность, мы включаемся в глубокий конструктивный диалог с государством и обществом. Мы относимся с большими ожиданиями к готовности Российской Федерации взять на себя определенные обязанности в рамках международного сообщества и уверены, что ее авторитет как видного члена дипломатического «квартета» придаст доверия и скорости переговорному процессу на Ближнем Востоке.

В начале 1960-х годов одновременно американский социолог Дэниел Белл из Гарвардского университета и французский ученый Раймонд Арона из Парижа объявили о наступлении эры «конца идеологий». Это само по себе было отдельной идеологией, которая была отмечена в 1968 году массовыми студенческими восстаниями от Парижа до Праги, от Беркли до Бельгии. Позднее Фрэнсис Фукуяма с большой помпой объявил о «конце истории». Я помню, как Андре Фонтен, тогда редактор престижной ежедневной газеты «Ле Монд», ответил американскому политологу: «Если мы действительно свидетельствуем конец истории, тогда мы живем в начале скуки».

Я не засвидетельствовал никакого «скучного» момента с тех пор, возможно напротив, мы засвидетельствовали «ускорение истории». В последнее время неожиданно появилось много статей, которые за-

щищают «конец конца истории» или проповедуют «возвращение истории».

Итальянский мыслитель Антонио Грамши задумался над проблемой отношений между интеллигенцией и угнетаемыми, которые он назвал альянсом между теми, кто думает и потому страдает, и теми, кто страдает, потому что думает. Есть и такие, кто, возможно, испытывает страдания каждый раз, когда думает, что думает, но это — другая история.

История находится всегда в процессе создания. Но при этом история непредсказуема. Нет никакого предопределения. Будущее проистекает из конфронтации между силами воли. Все мы, индивидуально или коллективно, должны так или иначе пытаться помочь истории сделать правильный выбор.

Помню, как в 1992 году, в Вестминстере, резиденции Британского парламента, я начал свое выступление с вопроса: «Что можно пожелать палестинским людям по случаю ежегодного Международного дня солидарности?» И сам дал простотой ответ: «Думаю, что палестинский народ пожелал бы не нуждаться больше в Международном дне солидарности, потому что его увековечивание будет означать, что их испытания все еще не закончены, что палестинцы по-прежнему выселяются с родной земли и рассеиваются по миру или подвергаются оккупации и их личные и коллективные права не соблюдаются».

Прошло уже 18 бесконечных лет после Мадридской конференции и 16 не менее бесконечных лет после принятого в Осло решения, когда был начат мирный процесс, которому было суждено продлиться только 5 лет. Спустя 61 год после Накбы — палестинской катастрофы 1948 года, спустя 42 года после оккупации Западного берега, Восточного Иерусалима и сектора Газа, мы все еще изо всех сил пытаемся придать доверие и уважение очень неубедительному мирному процессу.

Международное сообщество давно знает, что должно стать содержанием и контурами желательного и возможного мира. Недостает лишь политической воли. Если бы была необходимая воля, то занятое в 1967 году за 6 дней можно было бы и освободить за 6 дней, так что на 7-й день израильтяне могли бы

уже отдыхать, а мы наконец-то заняться увлекательным процессом строительства нации и экономической реконструкции. Эта статическая, застойная дипломатия вызвала несколько лет назад появление очень грустной шутки о Боге, которого спрашивают, будет ли когда-нибудь мир на Святой Земле, и слышат в ответ: «Да, да, конечно, но не при моей жизни».

Если самое точное из определений дипломатии гласит, что «это искусство отсрочки неизбежности максимально долго», то когда ее цель будет состоять в том, чтобы найти самые короткие исторические пути? Будем ли мы и дальше оставаться беспомощными, наблюдавая процесс, становящийся постоянным и почти неизменным, тогда как сам мир без необходимости ускользает?

Израиль должен был быть ответом на то, что называли «еврейским вопросом», но в результате появился «палестинский вопрос», который стал регулярным пунктом в повестке дня ООН, ожидающим адекватного и приемлемого ответа. Факт, что мы были жертвами жертв европейской истории, означал, что мы никогда не получали нашу законную долю симпатии, солидарности и поддержки. Образно говоря, мы стали евреями евреев, или израильтян. Таким образом, антисемитизм сегодня — это преследование палестинского народа израильским государством. Сегодня моральная дилемма, политический вызов на Ближнем Востоке состоят в следующем: либо у нас на один народ больше — на сей раз это палестинцы, либо налицо отсутствие государства, которое должно быть создано.

Мы, палестинцы, стали неразумно разумными. Мы больше не просим «абсолютного правосудия», но только «возможного правосудия». Мы постепенно встали в один ряд с позицией международного сообщества и приняли решение о существовании двух государств, при котором наше государство включает только 22 % территории от того, что было законно нашим в начале XX столетия.

Я никогда не принадлежал оптимистической школе мысли, которая обещает победу или спасение угнетемому как неизбежный результат. Увы, история — это кладбище угнетенных людей, которые оставались

угнетаемыми, пока не канули в историческое забвение.

Гегель в его пессимистическом диагнозе маршрута человечества написал, что из истории мы узнаем, что ничему не учимся от истории. Не думаю, чтобы он возражал, если бы мы доказали, что он неправ. По крайней мере на этой истории.

Все опровержения трагедий отвратительны. Мы, палестинцы, пострадали от трех последовательных опровержений. Отрицалось просто наше физическое существование. Помните лозунг «Палестина — земля без людей для людей без земли», который был открытым приглашением для ускоренной колонизации? Нам тогда отказывали в наших правах и, наконец, в признании нашего страдания, которое постоянно оборачивали в банальность и тривиальность.

Все помнят злодеяния новой войны в секторе Газа, который использовался как экспериментальная лаборатория для еще не испытанного оружия. Из 1400 убитых и 5500 раненых больше трети — дети до 12 лет. Ни домам, ни школам, ни больницам, ни даже учреждениям ООН не было пощады во время «ковровых» или «точечных» бомбовых и ракетных ударов.

Я никогда не сравниваю трагедии. Я никогда не был склонен к сравнительному жизнеописанию мучеников. Я полагаю, что каждое суровое испытание имеет свое значение. Я не верю в какую-либо иерархию страдания. Во всяком случае, я не знаю ни о каком способе измерить боль или определить количество страдания. Но я знаю, что мы — не дети меньшего бога.

Если бы я был евреем или цыганом, то нацистское варварство было бы самым зверским событием в истории человечества. Если бы я был американским индейцем, то самым страшным для меня было бы прибытие ранних европейских поселенцев, что привело к почти полному истреблению местного коренного населения. Если бы я был африканцем, таковым было бы рабство в предыдущих столетиях и апартеид в прошлом веке. А если я палестинец, это Накба — этническая чистка 1948 года. С точки зрения гуманизма, а вы — его последователи, все вышесказанное должно рассматриваться как противное нравственности и политически недопустимое.

В плане международных отношений мы находимся сейчас в переходном периоде. Сама международная система ищет принципы нового равновесия, новую конфигурацию, новую архитектуру. Мирный процесс на самом Ближнем Востоке переживает спад, но мы надеемся, что новый президент США Барак Обама даст начало новому подходу к данной проблеме и новые израильские выборы создадут новую правящую коалицию.

Сейчас, за то небольшое время, оставшееся до Московской конференции, которая (если ничего не случится) состоится еще до лета этого года, нам предстоит сделать много «домашней» работы и провести немало часов, анализируя, что пошло не так в наших поисках мира.

Я полагаю, что главным недостатком в мирном процессе было то, что международное сообщество забыло: в международных отношениях, в делах войны и мира международная воля должна преобладать над национальной прихотью. Мир на Ближнем Востоке слишком важен, чтобы оставлять его израильтянам на откуп. Недостатком являлось и то, что процесс был оставлен для улаживания местными партиями. Это позволило израильтянам тешить себя иллюзией о возможности диктовать и решать, где находится предел возможного и допустимого, и определять темп продвижения в урегулировании конфликта. Мы были вынуждены вести переговоры в условиях неравных сил, ибо Израиль обладает подавляющим превосходством вооруженных сил в трех аспектах:

— монополия ядерной готовности, независимо от того, что это могло бы подразумевать;

— превосходство обычного вооружения израильтян над всем, что может противопоставить возможная коалиция в арабском мире;

— неписанный союз Израиля с США, который более действен, чем любая официальная коалиция, потому что дает Израилю все преимущества союзов, не требуя при этом сдержанности и «ответственного поведения», которые бы ожидали от младшего партнера, поскольку старший не хотел бы отвечать за постыдное поведение своего протеже.

Мир должен быть не результатом равновесия сил, а следствием со-

блюдения норм международного права и соответствующих решений ООН, уважение которых должно стать единственным руководящим компасом.

Результаты израильских выборов прошлого месяца стали угнетающими для международной дипломатии, даже разрушительными. И без того бескомпромиссная страна заняла еще более радикальную позицию. Израильяне все еще полагают, что мир с арабами лежит на полпути компромисса между внутренними полюсами израильской политики, между лейбористской партией и партией «Ликуд», между Шимоном Пересом и Ариэлем Шароном, между Биби Натаньяху и Барак Обамой, между Ципи Ливни и Авигдором Либерманом. Они все еще полагают, что могут решать, ради какого процента от оккупированной территории они снисходительно уйдут. И, конечно, они назовут это «щедрым предложением».

Жаль, что израильское общественное мнение все еще отказывается от возможностей, которые дает им предложение под названием «арабская мирная инициатива».

С самого возникновения государства Израиль постоянно ведутся дебаты о том, является ли оно демократическим или теократическим, был ли Израиль единственной демократией на Ближнем Востоке и может ли страна, которая угнетает другой народ, быть свободной и демократической.

Я лично полагаю, что Израиль — демократический для еврейской части своего общества, но это, как мне кажется, является не смягчающим обстоятельством, делающим Израиль более привлекательным, а скорее негативным фактором. Нет ничего более нравственно тревожащего, чем «демократическое притеснение», то есть такое притеснение, которое обладает демократической поддержкой. Сюда можно отнести и тот факт, что мы, палестинцы, вместе со всем миром наблюдаем, как каждые 3–4 года израильский политический истеблишмент занимается демагогическими упражнениями в надежде на вознаграждение избирателей. Это напоминает мне о нью-йоркском раввине Абрахаме Хешеле, который, будучи ярким противником войны США во Вьетнаме, заявлял: «Если при демократии ви-

новны несколько, то ответственны все». Хорошо бы израильскому обществу задуматься над этим мудрым изречением.

Освобождение от оккупации наших территорий и образование суверенного Палестинского государства являются правом палестинского народа. Но я полагаю, что это также моральная обязанность, этическое обязательство израильянов, поскольку они больше, чем кто-либо другой, знают цену, индивидуальную и коллективную, которую мы заплатили за создание Израйля.

В течение 3 лет, до того как переехать в Москву, мы с женой работали в Вашингтоне. Выступая в Гарвардском университете, Корнеле, Стэнфорде и Принстоне, я неоднократно говорил, что, по моему мнению, существует не одна Америка, а две — две политические культуры и две исторические памяти, и что они не соответствуют традиционному делению между республиканской и демократической Америкой.

Да, есть Америка ранних европейских поселенцев, отношения которых с коренным населением привели к резне. Америка, которая установила и поставила на промышленную основу рабство. Америка, которая с ее эластичной концепцией своих границ бесстыдно расширилась за счет Мексики. Именно к этому «наследству» американцы, вероятно, обращаются и в Израйле, когда говорят о «стратегическом союзе» и «совместно разделяемых ценностях».

Но, к счастью для всех обеспокоенных, существует и другая Америка. Америка отцов-основателей, которые бросили вызов Британской империи. (Кстати, есть забавная шутка на этот счет: «Почему солнце никогда не заходило в Британской империи? Похоже, Бог не доверял им в темноте».) Это Америка Абрахама Линкольна, который принял болезненное решение подвергнуть страну гражданской войне ради отмены рабства. Америка Мартина Лютера Кинга, мечту которого о всеобщем равенстве разделяли многие люди на разных континентах. Это Америка, к которой мы должны мысленно обращаться, чтобы конструктивно включаться в совместную работу.

Живя в США и держа, так сказать, руку на американском пуль-

се, мы с женой еще 18 месяцев назад почувствовали, что кандидатура Барака Обамы обречена на успех. Мы оба считали, что он пробуждает американский идеализм и сможет примирить США как с собой, так и с миром. И все же, не буду скрывать, часто бывало, что после победы кандидата, воплощающего «отвагу надежды», нам оставалось надеяться только на еще большую отвагу. Сегодня некоторые из первых назначений в США внушают нам беспокойство, другие — пробуждают ожидания. Желая заручиться поддержкой американской еврейской общины, новый президент США, кажется, не осознает сдвига центра притяжения внутри нее в пользу позитивной американской дипломатии, взвешенного подхода к Ближнему Востоку и критической поддержки Израйля. Самыми активными сторонниками Барака Обамы в этой общине были именно те, кто не удовлетворен политикой и методами Израйля. Золотой век АIPAC, произраильского лобби, уже на исходе. Его монополия представления предпочтений американского еврейства сегодня оспаривается все активнее и успешнее. Внутри американской еврейской общины выросли новые силы, и теперь она далеко не монолитная, однако политический истеблишмент, похоже, еще недостаточно осознал эти изменения.

Находясь в Вашингтоне, я неоднократно говорил моим собеседникам, что проблема с их политикой в отношении Ближнего Востока состоит в том, что американская внешняя политика похожа на субподряд в израильской стратегии. Всякий раз, когда американская администрация расходится с израильской политикой и предпочтениями, это выглядит так, будто США страдают от собственного бессилия. По отношению к нам, арабам, США ведут себя как супердержава. Когда же дело касается Израйля, то кажется, что политический вес США не больше, чем у Люксембурга или Лихтенштейна.

Однако все увеличивающаяся часть академических, политических кругов, СМИ осознает, что нерешенный характер палестинской проблемы отравляет международные отношения. Поэтому общественное мнение изменяется в пользу Палестины. Становится очевидным, что

наблюдаемый американский сговор с Израилем — это то, что поставило США на путь острых разногласий с большей частью арабского исламского мира, что Палестина могла бы быть ключом к восстановлению доверия к США и даже их привлекательности во всем мире.

Исследование американско-израильских отношений занимало, завораживало, интриговало и переполняло два поколения ученых. Две конкурирующие школы мысли дискутировали, «кто кого качает». Первая школа говорила об «американском Израиле», живущем под диктовку США и строящем свою региональную политику в соответствии с американским глобальным видением. Ноам Хомский написал два десятилетия назад, что Вашингтон — это современный Рим, а Израиль — его региональная воинственная Спарта. Вторая школа выстраивает образ «израильской Америки», сложного комплекса отношений, где глобальная супердержава просто принимает региональную политику своего государства-клиента и интегрирует ее в собственную глобальную стратегию. Это видится как результат деятельности мощного произраильского лобби, которое преуспело в превращении Капитолийского холма в еще одну израильскую оккупированную территорию.

Я всегда считал, что обе позиции этих школ справедливы, но в разные моменты истории — в зависимости от ряда соображений, таких как электоральная и интеллектуальная сила американского президента, и того, насколько уверенно он чувствует себя в стране и Конгрессе, а США — в мире.

Наблюдатели и аналитики предсказывают, что израильтяне скоро будут испытывать чувство ностальгии по поводу сплошного «медового месяца» восьми лет президентства и что новое правительство Нетаньяху—Либермана с неизбежностью ожидает полоса острых разногласий с администрацией Барака Обамы.

К слову, о том, что происходит сегодня на политической сцене Палестины. В то время как я говорю здесь, в Санкт-Петербурге, в Каире проходят важные встречи. По приглашению египетского правительства все палестинские политические партии ведут переговоры, чтобы достигнуть внутреннего прими-

рения, которое, как мы надеемся, приведет к правительству национального согласия. Да, мы должны привести в порядок наш дом. Мне бы очень хотелось, чтобы фракции левого крыла объединились, слились и тем самым стали бы третьим столпом, вокруг которого вращается палестинская политическая жизнь.

Движение «Фатах», будучи архитектором возрождающегося палестинского национального движения, которое началось в 1960-х годах, остается для палестинского народа той же исторической потребностью, что и тогда. Палестинцы ожидают в скором времени успешного проведения VI Национальной конференции, которая будет призвана «омолодить» и повторно узаконить их руководство, одобрить его будущие ориентиры. «Фатах» не должен их разочаровать. Мы должны помнить, что лидерство не наследуется, его надо заработать и заслужить, ежедневно прилагая для этого усилия.

Что касается третьего столпа, то руководство ХАМАСа получит хороший стимул прочитать дневники Моше Шарета. Он был первым израильским министром иностранных дел и в своих дневниках вспоминает слова, которые любил часто повторять Бен Гурион, разговаривая со своим окружением неофициальных советников: «Мы, израильтяне, должны научиться провоцировать арабов провоцировать нас так, чтобы мы могли выйти за пределы тех узких границ, которые должны были принять». Это было поднято на уровень стратегической доктрины последующими израильскими лидерами. Чтение дневников Моше Шарета может помочь нам избежать многих грубых ошибок, чтобы не играть на руку тем, кто не желает нам хорошего. Эта доктрина может объяснить и все возрастающие напряженные отношения, которые привели к войне 1967 года, а также последовательность событий, которые привели к войне в секторе Газа в конце 2008 года.

Новое политическое движение должно различать три уровня политических ожиданий: желаемое, возможное и приемлемое, и заменить идеологический дискурс стратегическим мышлением. Мы надеемся, что еще не слишком поздно для этого. Неправильное чтение полити-

ческого ландшафта может привести к повторным бедствиям и неблагоприятному принятию решений. Приведу два примера.

В марте 2002 года, спустя 18 месяцев после начала второй интифады, было очевидным: Израиль все более осознавал, что не сможет покончить с интифадой, а мы — что одной интифадой не сможем покончить с оккупацией. Чтобы разрубить этот мертвый узел, нужна дипломатия, и на подходе была важная инициатива. На арабской встрече на высшем уровне в Бейруте должна была быть одобрена, с палестинского благословения, инициатива Саудовской Аравии. Для любого рационального наблюдателя (а рациональность — не проклятие, но редкое качество) было ясно, что премьер-министр Ариэль Шарон, если ему будет предложен выбор между дипломатической возможностью и военной провокацией, скорее предпочтет военную провокацию в качестве возмездия, чем склонится к взаимному обмену как дипломатической увертюре. Спустя 24 часа после того, как в Бейруте была принята саудовская инициатива, последовала самоубийственная операция в Натанье, и Ариэль Шарон отдал приказ повторно вторгнуться на оккупированные территории, при этом ХАМАС не имел какого-либо спланированного ответа на эту предсказуемую реакцию. И арабский план мирного урегулирования был отсрочен на многие годы.

Другой пример неправильного чтения политического «ландшафта» произошел в 2005 году, когда Ариэль Шарон решил передислоцировать войска из сектора Газа. Но любой, кто пристально следил за израильскими дебатами, должен был понять макиавеллевскую природу этой передислокации. Ариэль Шарон воспринимал палестинцев как демографическую угрозу и думал об удалении 1,5 млн палестинцев из данного «уравнения», получая таким образом в демографической гонке фору в 30 лет и при этом усиливая хватку на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме. Лидеры ХАМАСа предпочли более удобное объяснение. Вывод войск Ариэлем Шароном был «их победой», результатом «героической» военной борьбы, но все это привело к плачевным последствиям.

Мы, как общество, не имеем роскоши выбора между сопротивлением и несопротивлением — мы обречены сопротивляться, но мы можем выбирать различные методы выражения нашего сопротивления. Мы приглашаем исследовать мудрость, прозорливость, эффективность неповиновения и ненасильственного народного сопротивления, которое, между прочим, является главным, но все еще не признанным выбором наших людей. Возможно, самое мудрое и здоровое военное решение, которое мы можем сделать, — это избежать военных конфликтов. Я до сих пор помню слова, которые сказал покойный Файзал Хусейни во времена первой интифады: «Если я хочу бросить вызов Майку Тайсону (а Майк Тайсон, как известно, чемпион в боксе), то я не буду приглашать его на ринг. Лучше я приглашу его на встречу по шахматам или тому подобную, потому что если я приглашу Майка Тайсона на ринг — результат известен заранее, вы можете его предугадать».

В пьесе Бертольда Брехта о Галилео есть интересная сцена: после того как под давлением инквизиции ученый отрывается от своего убеждения, его разочарованный ученик говорит: «Несчастный народ, у которого нет героев», на что Галилео отвечает: «Несчастливы люди, которые все еще имеют потребность в героях».

Мы, палестинский народ, очевидно, все еще испытываем потребность в героях. Я преклоняюсь перед палестинским коллективным героем — перед самими людьми за их стойкость, выдержку, способность вынести невообразимые боль и страдания. И я твердо уверен, что сегодня есть потребность дать новое определение героизму.

В заключение хотел бы сказать, что я никогда не сомневался в возрождении Палестины. Как вы знаете, мы в Иерусалиме уже имели некоторый опыт предыдущего возрождения.

***

— *Уважаемый господин посол, в недавнем прошлом в Палестине почти началась гражданская война из-за оппозиции между «Фатахом» и ХАМАСом. Каковы отношения между ними теперь?* (вопрос из зала)

— Очень хороший вопрос. Как я уже упоминал, в Каире сегодня про-

ходит встреча между всеми палестинскими политическими партиями, представителей которых Египет пригласил ради диалога к примирению. Лично я, как вы можете подозревать, принадлежу к философской школе «Фатах», которая является национальным светским крылом палестинской политики.

Да, у нас были некоторые проблемы внутри страны, что засвидетельствовали многие в обществе, но сегодня мы стоим на пороге национального диалога к примирению. Я полагаю, что ХАМАС должен серьезно рассмотреть несколько положений. Первый из пунктов, о которых я бы предложил им серьезно подумать, это то, что мы, палестинцы, заинтересованы в отказе от военной борьбы как элемента нашего национального движения. Не по этическим, а по прагматическим причинам: израильтяне имеют несомненное превосходство в военной силе над палестинцами, поэтому самое лучшее, что мы могли бы сделать в военном отношении, — это избежать вооруженного противостояния.

Я уже упоминал высказывание одного мудрого палестинского лидера, с которым мы встречались и который мне нравился, о Майке Тайсоне с аналогией на современное политическое положение Палестины. Исходя из такого соотношения сил, мы включились в диалог по примирению. Мы, как общество, страдаем от оккупации, и по сути — это израильская оккупация. Это израильтяне в 1948 году выгнали нас с наших земель и рассеяли наш народ по четырем окраинным частям региона. Это они с 1967 года оккупируют Западный берег реки Иордан и сектор Газа. Это они насаждают незаконные поселения на нашей земле вопреки международному праву. Поэтому наша проблема и неотступная идея о ее разрешении связаны с израильской оккупацией.

Мы были бы лучше готовы ответить на данный исторический вызов, если бы обладали национальным единством. Однако, являясь жертвами истории, мы остаемся приятными и любящими людьми. Мы всегда пытались понять даже тех, кто предпочел быть нашим врагом. Так, в начале возрождения нашего национального движения мы говорили о едином государстве, демократичном по своей природе, где евреи, христиане и мусульмане бу-

дут иметь равные права и обязанности.

Мы хотели сломать так называемую «диалектику притеснения», при которой тот, кого угнетали раньше, в будущем сам становится угнетателем. Затем постепенно, в процессе взросления (а политические движения также взрослеют), мы склонились к решению о необходимости двух государств и были готовы, как я уже говорил, принять лишь 22 % того, что первоначально было нашим. Вот почему я сказал, что мы неразумно разумны. И поверьте, если бы я был евреем, то принял бы палестинское мирное предложение, то есть арабскую мирную инициативу. Так считает весь арабский мир — от Марокко на Атлантике до Омана на Индийском океане. Арабы говорят израильтянам: да, мы могли бы счесть создание Израиля результатом ликвидации несправедливости, но мы не готовы признать и нормализовать отношения с Израилем, если вы, израильтяне, не покинете наши территории, захваченные при экспансии 1967 года. Мы готовы признать ваше государство, но с границами, которые существовали до 1967 года.

Поверьте, если бы я был израильтянином, то согласился бы на подобное предложение. Но, к сожалению, территориальный аппетит Израиля трудно удовлетворить, и вряд ли Биби Натаньяху или Авиغدор Либерман завтра будут в соответствующем настроении.

Я сказал вам, что мог бы быть и евреем, но я — палестинец христианского вероисповедания. Иногда я говорю, что в социологическом смысле я христианин, относительно же биологических корней порой имею сомнения, но также я испытываю и сомнение относительно моих сомнений, что, вероятно, свойственно многим людям.

Палестина — чарующее по красоте место между Ираком и Египтом, здесь находилась колыбель всех цивилизаций и религий. Все монотеистические послания родились на земле моей страны, и мы чувствуем, что являемся хранителями этих духовных посланий. Именно поэтому, несмотря на то что Палестина, а не Израиль переживает оккупацию, в течение вот уже десяти дней палестинцы ведут диалог о возможности примирения с израильтянами.

— *Господин Сафия, готова ли Палестинская автономия существовать культурно и экономически как суверенное независимое государство?* (вопрос из зала)

— Палестинский народ известен как один из самых грамотных в третьем мире. Процент выпускников университетов у нас один из самых высоких в мире. В этом плане мы даже составляем конкуренцию западноевропейским странам. Палестинские интеллектуалы всегда были наиболее заметными в арабском мире в области литературы и искусства. У нас замечательный, наполненный жизнью театр и т. д. Но проблема в том, что наше воображение и творчество стеснены. Мы — общество, помещенное в «клетку». Оккупация ограничивает возможности развития нашего творческого потенциала. К примеру, вы знаете, какое пространство занимает Россия. Когда я девять месяцев назад приехал в Москву и увлекся чтением о вашей стране, то узнал, что европейская часть России территориально равна двум третям Европы, а азиатская — одной трети Азии. Для сравнения: Западный берег (я родом из Иерусалима, который расположен на Западном берегу) имеет протяженность лишь 6 тыс. квадратных километров. Но на этой небольшой территории выставлено 607 израильских военных контрольно-пропускных пунктов. Вы понимаете, каково это? Знаете ли вы, что прохождение через каждый такой пункт может занять 2 часа в день! Однажды я подсчитал, что на проходе через эти военные КПП наше общество теряет 8 млн рабочих часов в день. И это преднамеренная политика, которая в плане безопасности не имеет никакой ценности. Это сделано для того, чтобы тормозить жизнь нашего общества на всех уровнях, сдерживать его развитие. Сегодня успех любого общества измеряется производительностью, конкурентоспособностью и другими экономическими показателями, а мы в результате подобной политики Израиля теряем миллионы.

Я очень рад вопросу о культуре нашей страны. Мое общество гордится тем, что принадлежит к самым образованным, самым блестящим, самым творческим и артистичным, и даже те палестинцы, которые ока-

зались рассеянными по всему миру, образуя диаспору, достигли многого. Например, в среде американской университетской профессуры широко известно имя палестинца Эдуарда Саида, одного из лучших специалистов в области сравнительного литературоведения и английской литературы (заметьте, не арабской). Он умер несколько лет тому назад. Эдуард Саид был моим соседом в Иерусалиме. Мой город выпускал в мир людей первоклассного калибра. Но сейчас мы, как я уже говорил, — общество, загнанное в «клетку». Это похоже на то, что происходило в Южной Африке во времена апартеида, и поэтому, читая литературу на английском языке об отношениях Палестины и Израиля, вы можете встретить слово «бантустан» (кстати, Джеймс Картер, бывший в 1977–1981 годах президентом США, использовал слово «апартеид» в качестве названия одной из своих последних книг). Но у нас даже не бантустан, а «бантустанчик», поскольку в Южной Африке пространства огромные, не то что у нас.

Вы правы, культура является чрезвычайно важным фактором, поскольку именно она определяет национальную идентичность. Мы тоже находимся в постоянном поиске нашей идентичности, стремимся пересмотреть и обновить ее, зная, что это динамический процесс эстетического развития.

Таким образом, сейчас у нас есть все составляющие суверенного независимого народа. Мы — среди тех, кто дорого заплатил, чтобы быть признанными людьми, достойными государственности. И все же мы еще не достигли этого. История еще не решена. И я надеюсь, что вы, поскольку вы — общество будущего и будете управлять экономикой в ближайшие десятилетия, поможете истории сделать правильный выбор.

Как я уже отмечал, на Ближнем Востоке есть моральная дилемма, или политический вызов, который можно сформулировать так: может ли быть лишним древний народ? Может ли быть на один народ больше, чем требовалось? Этот народ — мы, палестинцы. А наши противники говорят, что это они — евреи, или израильтяне, должны жить на нашей земле. Я ни в коей мере

не занимаюсь демагогией. Я призываю вас помочь истории сделать правильный выбор: есть ли избыточный народ, который мы позволим истреблять или экспатриировать, или есть государство, которое пока отсутствует, но мы должны способствовать его появлению?

— *Намерено ли палестинское руководство добиваться широкого политического и судебного преследования израильских военных и политических лидеров за военные преступления в отношении палестинцев?* (вопрос из зала)

— Больше всего сегодня палестинцы, преисполненные негодованием за всевозможные военные преступления, которые были совершены против нас начиная с 1948 года, хотят, чтобы международная общественность осудила эти преступления против человечности. Когда я говорю о Западной Европе, это не просто мое культурное, идеологическое или политическое предпочтение. Именно там, в Западной Европе, я провел большую часть своей жизни, и она мне очень близка. У меня и жена из Бельгии. Поэтому у меня в доме каждый день происходит «диалог цивилизацией», отсюда и частые апелляции к европейскому сознанию.

В Европе есть значительное число неправительственных организаций, которые, не имея в своем составе палестинских или арабских членов, желают по своему собственному разумению привлечь израильских лидеров к Международному суду ООН или к Международному трибуналу. Они считают, что этой страной были попораны общечеловеческие ценности.

Сегодня многие израильские политические лидеры и генералы не решаются бывать в Великобритании или Голландии и других странах, которые на официальном уровне обычно выступают как произраильские. Так, они не хотят посещать Гаагу, Амстердам или Лондон, где британские или голландские неправительственные организации могут потребовать у властей их привлечения к суду. Я горжусь таким поворотом мирового общественного мнения, даже если это верно лишь в отношении неправительственных организаций. По моему мнению,

именно они должны быть совестью правительств и государств.

Я полагаю, что молодежь не должна позволить моему поколению колонизировать ее будущее. Вы сами должны установить максимально высокие стандарты того, что ожидается от общественной жизни, и заставить тех лиц, кто принимает решение, пройти этот экзамен достойным образом. Я — поборник достоинства в политике, сторонник тех, кто отказывается от военных конфронтаций, не потому что хочу выглядеть добрым, а ради выбора оптимального коллективного поведения. Именно поэтому мы, палестинцы, как и некоторые представители общественного мнения в странах Европы (они весьма важны и для Израиля), хотели бы привлечь израильских генералов и политических деятелей к суду. Это здоровое явление.

Но чтобы возвратиться к конструктивной политике, я лично озвучил идею, которую, надеюсь, поддержат и другие, не только палестинцы и арабы, но и европейцы. Я предложил агентству БАПОР, которое было создано в 1949 году, взять на себя заботу о палестинских беженцах. Это — специализированное учреждение ООН по Ближнему Востоку, и оно выполняло в палестинском обществе огромную работу для тех из нас, кто пережил израильскую агрессию в секторе Газа.

Сегодня в мире не хватает ярких личностей среди престижных политических деятелей, которые бы заслуживали Нобелевскую премию мира. В прошлом эту награду порой получали люди, не совсем достойные ее. Поэтому я хотел бы, чтобы какая-нибудь неправительственная организация внесла кандидатуру этого специализированного органа ООН в качестве претендента на награждение Нобелевской премией мира, — сотрудники БАПОР заслуживают этого. Они воплощают международную ответственность в отношении палестинского народа. Таким образом, иногда даже негативная политика, которая получила поддержку, содержит конструктивную положительную идею, которую я и призываю поддержать в ЕС и всех его специализированных агентствах.

— *Какова величина экономических потерь, которые Палестина понес-*

ла в течение недавнего конфликта с Израилем, и как палестинская администрация восстанавливает разрушенную экономику в условиях глобального экономического кризиса? (вопрос из зала)

— Потери в секторе Газа, понесенные Палестиной за 22 дня израильской войны в этом регионе, которая была своего рода лабораторией для экспериментирования над нашим народом, оцениваются суммой около 3 млрд долларов. Для таких развитых стран, как США, эта цифра, возможно, не покажется пугающей. Но нельзя забывать, что сектор Газа — это наиболее плотно населенная область в мире и одна из самых бедных. 80 % жителей сектора Газа — уже беженцы, живущие в когда-то наскоро построенных лагерях для беженцев, которым уже 60 лет. Надо понимать, что речь идет о чрезвычайных страданиях.

Не знаю, видел ли кто-нибудь из вас фильм «Миллионер из трущоб», который получил «Оскара». Действие фильма происходит в Индии. Очень рекомендую посмотреть его, но сделайте это в день, когда вы не устали и не в депрессии, потому что увиденное в этом фильме угнетает. Человеческие страдания не слишком приятно наблюдать, но это то, о чем следует знать, потому что вы должны найти решение, как покончить с подобными явлениями.

Как я уже сказал, мы живем в «сжимающемся» мире, в котором проблемы сектора Газа, Индии или Рио-де-Жанейро становятся и нашими. Мое счастье зависит от счастья других, потому что чем больше во всем мире несчастных людей, тем большая головная боль ожидает нас в грядущие десятилетия. Поэтому мы все ответственны за любое человеческое страдание.

Экономическая стоимость потерь Палестины (я уже называл эту цифру) превышает 3 млрд долларов, но как определить стоимость человеческих потерь? Я не люблю сравнительных жизнеописаний мучеников, но как не вспомнить о них, когда узнаешь количество жертв среди палестинцев: 1400 убитых и 5500 раненых, большинство из которых тяжелые, с ампутациями, то есть те, кто стал инвалидом. Как можно компенсировать человеческую жизнь? Наши враги обычно рассматривали нас как статистические данные, —

наши жертвы не имеют для них имен, как если бы они были безымянными, без отцов, матерей, детей, не имеющими смысла жизни.

Позвольте мне рассказать, во что превращена жизнь палестинцев. Большинство наших детей страдает от травмирующих последствий той войны. Многие дети старше двенадцати болеют энурезом по причине расстройства нервной системы. Характер обычных отношений между отцами и матерями и детьми нарушен из-за частых случаев, когда дети становятся свидетелями унижений их родителей на израильских контрольно-пропускных пунктах и т. д. Психологические раны в моем обществе просто огромны, и все последствия их трудно вообразить. Невозможно все это определить в стоимостном выражении.

Как я уже упоминал, мы по уровню образования — по показателям, сколько дипломированных университетских специалистов имеет общество на тысячу человек, — конкурировали с Европой. Теперь это уже не так. Да и качество образования уже не то, что раньше. Потому что ни один год в течение последних 40 лет не прошел без того, чтобы занятия в наших вузах не прерывались. Я вхожу в Совет попечителей Вифлеемского университета, и его профессора рассказывают мне, что все наши студенты получают образование урывками. Учебный год обычно составляет девять-десять месяцев, а для наших студентов он ограничивается четырьмя-пятью месяцами, потому что половину времени доступ к университету невозможен. Вот и сравните: ваши десять месяцев обучения в серьезном университете против наших четырех месяцев Вифлеемского университета. И эти потери невосполнимы, ведь мы живем в «сжимающемся» мире, так что мои студенты из Вифлеема должны будут конкурировать с вами в ближайшие годы, но вы теперь имеете над ними преимущество, которого не было еще 10 или 20 лет назад.

Потери в человеческом факторе имеют более драгоценное измерение, чем материальный ущерб. Израильцы разрушили более 20 тыс. жилых зданий палестинцев. Наши семьи в секторе Газа, как правило, очень большие, может быть, даже чрезмерно. Я сторонник планирования семьи. У меня только две

дочери. Мы с женой безумно любим наших детей и считаем их очаровательными, и мы счастливы. Но в секторе Газа в семье в среднем пять, шесть или семь детей. Так что при условии, что были повреждены 20 тыс. жилых помещений и что средний размер семьи определяется девятыю людьми (двое родителей и семь детей), получается, что в секторе Газа теперь около 1 млн 800 тыс. человек, лишившихся своего жилья и всего связанного с этим. Они укрываются в палатках или теснятся с детьми и стариками в переполненных домах. Я боюсь даже задуматься о психологических последствиях проживания 20 человек в однокомнатной или двухкомнатной квартире, не говоря уже о тех проблемах, которые могут возникать в связи с отсутствием уединенности и недостаточного простора для личной гигиены и т. п.

— *Вы ожидаете каких-нибудь изменений в решении палестинской проблемы ввиду смены американской администрации?* (вопрос из зала)

— Я полагаю, что смена верховной власти в США — одно из самых освежающих из произошедших событий. Я приехал в Москву после трех лет работы в Вашингтоне, поэтому мы с женой получили возможность изучить американскую политическую систему и близко познакомиться с американским политическим истеблишментом. Я был в отчаянии от того, что мой срок пребывания в Вашингтоне совпал с периодом в американской политике принятия решений по принципу исключительно отрицаний и возражений. Я считал американских политиков поверхностными, мрачными, воинственными, импульсивными, с чрезмерными аппетитами, и при этом они были у власти в доминирующей высокомерной администрации. Сам Джордж Буш показался мне привлекательным парнем. Он может быть очень простым. Однажды я вернулся домой после встречи с ним и сказал жене: «Возможно, мы оба не любим американскую политику, но Буш — приятный человек». Это то, что касается личных отношений. Но сама предыдущая администрация была чем-то наводящим ужас. Поэтому Барака Обаму мы восприняли как свежее дыхание в американской политике. Несмотря на то что дипломаты должны

быть равноудаленными и помалкивать относительно чьих-то внутренних пристрастий или антипатий, мы, как наблюдатели за политическими событиями, не могли скрыть своего волнения. Я полагаю, что Барак Обама пробудил американский идеализм у молодежи своей страны, подобной вам. Даже из обзора новостей можно увидеть, насколько были взволнованы многие дипломированные университетские специалисты и высокооплачиваемые профессионалы с очень хорошим образованием, голосовавшие за нового президента. Они были на стороне Барака Обамы, даже несмотря на то что в будущем он обещал повысить налоги. А это значит, что он смог пробудить американский идеализм. И я верю, что это в интересах США и всего мира.

На днях состоялась встреча между министром иностранных дел РФ Сергеем Лавровым и министром иностранных дел США Хиллари Клинтон; она прошла в позитивных тонах, в ее ходе были намечены перспективы. Я всячески приветствую развитие американско-российских отношений и выступаю сторонником остановки гонки вооружений. Я за международное сотрудничество, а не за конфронтации. И, как мне кажется, Барак Обама сможет примирить США с собой и с миром и найдет способ выйти из двух никому не нужных войн в Афганистане и Ираке.

США давно нуждались в некотором примирении с миром. Я считаю, что главным фактором решения этого уравнения является изменение в американской администрации. Подождем — и увидим, так ли это, но пока каких-либо серьезных действий предпринято не было. Президентская чета совершает ознакомительные визиты в разные страны.

«Свидание», которое может стать исторической вехой для наших стран, назначено на ближайшее время и состоится в Москве. Россия считает, что настала ее очередь созвать международную конференцию в продолжение конференции в Аннаполисе, которую проводили американцы. Мы очень рады будущему Московскому форуму. Я надеюсь на сотрудничество со стороны американцев, что позволит сделать эту встречу успешной.

Я часто говорил о роли так называемого «квартета» для Ближнего Востока. «Квартет» международных посредников по ближневосточному урегулированию, в состав которого входят США, Европейский Союз, Российская Федерация и ООН, был создан в 2002 году. Задачей «квартета» является поиск «внешнего» решения конфликта. Иными словами, «квартет» взял на себя функции «третьей силы» в противостоянии арабов и евреев. Когда я работал в Вашингтоне, то вынужден был констатировать, что американцы заблокировали «квартет», превратив его в «раз-тет». Мы должны восстановить работу «квартета» в полном объеме. Я надеюсь, что администрация Барака Обамы оставит чрезвычайно высокомерный унитаризм политики периода президента Буша и возвратится к системе многосторонних консультаций с другими странами, что станет благоприятным фактором.

— *Господин посол, воспринимаете ли Вы конфликт между евреями и арабами как столкновение культур и религий?* (вопрос из зала)

— Прежде всего, поскольку вы обратились ко мне как к послу, позвольте мне поделиться с вами шуткой, которая популярна среди послов в Лондоне: «В чем различие между послом и верблюдом? Верблюд может работать в течение десяти дней и не пить, тогда как посол может пить в течение десяти дней и не работать». Очевидно, я ближе к умеренно пьющему верблюду (смех в зале).

Если же говорить серьезно, мы на Ближнем Востоке, особенно в Палестине и Израиле, страдаем из-за слишком большого исторического наследия, древнего и широко распространенного богословия, слишком большого количества мифологии и очень «тесной географии». Швейцарцы в ходе Наполеоновских войн, которые опустошили континентальную Европу, любили пословицу: «Счастливые народы не имеют никакой истории». А мы, к сожалению или к счастью, благословлены бременем истории — мы обременены историей нескольких тысячелетий, события которой разворачивались на очень небольшой территории.

Учитывая сказанное, конфликт между нашей страной и Израилем яв-

ляется главным образом политическим и территориальным. Вы не можете себе вообразить, насколько эти два компонента взаимосвязаны.

Я не люблю расового подхода. Многие скажут, что у палестинцев в жилах, вероятно, течет больше иудейской крови, чем у многих сегодняшних евреев. Я нахожу расовый подход не слишком интересным, хотя каждая из спорящих сторон принимает его по-своему. Я всегда говорю, что мог бы быть и евреем. Я являюсь потомком первых христиан. А кто были первые христиане, если не евреи, обращенные в христианство? Наверное, стоит сказать и о том, что я жил уже в 11 или 12 странах: вырос в Иерусалиме, затем жил и работал в Брюсселе, Париже, Женеве, Бейруте, Бостоне, Голландии, Лондоне, Вашингтоне и Москве. В каждой стране, где мы с женой проживали, в нашем ближайшем кругу друзей (именно друзей, а не просто хороших знакомых) всегда было много евреев. Но все мои еврейские друзья — люди, которые стыдятся недостойного поведения Израиля в отношении Палестины. И это — почти неписаное правило, а в политике, социологии и человеческих отношениях ненаписанное всегда было более важным, чем любой письменный договор.

Это обнаруживает важность нематериальных приоритетов в жизни. Люди могут даже не высказывать этого, но я всегда вижу, что тот или иной мой еврейский или израильский друг испытывает чувство неловкости от того, что происходит в наших странах, и мое сердце для такого человека всегда открыто.

Тех, кто испытывает подобный душевный дискомфорт, много и в Бельгии, и во Франции, и в Швейцарии, и в Великобритании, и в США, и в других странах. У нас много друзей по всему миру. Это и позволяет мне дать совет администрации Барака Обамы лучше узнать настроения еврейской общины США, ибо большинство ее представителей настроены критически в отношении недостойного поведения Израиля и стыдятся этого.

Так что, по большому счету, между странами не существует несовместимых культурных и религиозных различий. Я когда-то посетил конференцию в Испании, в Андалусии. Почему там? Потому что времена

арабского исламского «подбрюшья» в Испании стали лучшими проявлениями культурного взаимодействия между христианами, мусульманами и евреями. Это было, по моему мнению, местом сбора цивилизаций, какое бы определение вы ни сочли для него подходящим. Андалусия была выбрана именно по этой причине. Мы присутствовали на данной конференции, потому что это был диалог между христианами, мусульманами и евреями. Один из выступавших даже пошутил: «Вы знаете то, в чем главное различие между нами, мусульманами, евреями и христианами? Только в том, что когда придет Мессия, вы должны будете спросить его: это ваше первое или второе пришествие?» (смех в зале).

— *Поддерживает ли Китай Палестину в израильско-палестинской конфронтации? Не могли бы Вы рассказать об образовании в Палестине?* (вопрос из зала)

— Китай был одной из первых стран, поддержавших палестинское национальное движение, наш устремление к палестинской государственности. Вместе с тем Китай имеет сегодня контакты и с израильтянами, включая военные разработки и военные сделки. Мы живем в таком мире, где ради лучшего или худшего сосуществования используются политические принципы, с одной стороны, и экономические и военные сделки — с другой. Так что Китай поддерживал и поддерживает наше стремление к своей государственности, но в то же самое время имеет близкие отношения с Израилем, сотрудничая с ним в военной сфере (Израиль является одним из самых больших экспортеров вооружения). А Израиль в свою очередь сотрудничает на этом рынке с США, которые бесплатно поставляют израильтянам вооружение, которое те затем дооборудуют и продают, вступая тем самым в конкуренцию со своим покровителем.

Что касается образования, то в Палестине есть 12 университетов. Кроме того, мы имеем замечательную систему школ — частных, общественных и международных (БАПОР, о котором я уже упоминал, ведет сотни школ в лагерях для беженцев). Но, к сожалению, прошедшие два или три десятилетия мы не имеем нормальных условий для

обучения наших детей и молодежи. Учеба и научная работа почти всегда прерываются по вине политических и военных факторов. А уже упоминавшиеся контрольно-пропускные пункты часто делают университеты и школы просто недоступными для профессоров и преподавателей, учеников и студентов. Но палестинцы — люди высокоразвитые. В нашем коллективном сознании живет устойчивая идея о необходимости образования. Поскольку мы — народ, который потерял свою землю, был изгнан из родной страны. Наше общество до 1948 года было преимущественно крестьянским, поэтому когда у земледельцев отняли землю, они стали практически нищими, у них больше ничего не было, потому что их опорой всегда была земля. Тогда наше общество обнаружило, что образование — одно из главных преимуществ, которое никто не может отобрать у нас. Когда человека изгоняют из родного дома, он может унести с собой лишь собственное образование, потому что оно неосозаемо, нематериально, но от того не менее ценно. Поэтому каждый палестинец сосредоточился прежде всего на образовании. Вы даже не можете представить, какие огромные усилия предпринимались в каждой семье, чтобы послать самого развитого из детей в университет, чтобы он получил высшее образование и, возвратившись и начав работать, послал другого из своих братьев или сестер в университет. Так вся большая семья мобилизовывала все свои силы и ресурсы на поддержку самого блестящего и замечательного среди ее членов, чтобы он мог получить образование и, тем самым, поднять бы ее благосостояние.

Для нас образование является приоритетной, всеохватывающей идеей, потому что это сокровище, которого никто не сможет лишиться. Его можно взять с собой, отправляясь на поиски нового места обитания. Большинству палестинцев в течение жизни приходилось быть беженцами уже дважды, трижды или четырежды.

До начала вооруженных конфликтов преуспевающая палестинская община в Кувейте насчитывала около 400 тыс. человек. Когда же Садам Хусейн занял Кувейт, все эти 400 тыс. человек превратились в беженцев, многие пробыли в этом

состоянии изгоев до 1948 года, а некоторые и до 1968 года и даже дольше. То есть люди снимались с насиженных мест уже два или три раза, причем не по своему выбору, а всегда движимые политическими факторами. И эти 400 тыс. человек, которые ранее процветали, имели хорошее образование и всегда поддерживали свои семьи на родине, были лишены собственности и выброшены из домов вследствие иракской оккупации Кувейта. Для нас всех это было бедствием. Что осталось? Только образование. Многие из наших беженцев — доктора, инженеры — нашли пристанище в Канаде, потому что эта страна ведет политику «открытых дверей» для тех, кто имеет хорошее университетское образование. Таких беженцев из Кувейта было около 30–40 тыс. человек. И все эти люди нормально живут благодаря своему образованию. Некоторые из нуждавшихся смогли получить политическое убежище в других странах.

Можно сказать, что мы поглощены страстью к образованию, и такое стремление имеет сильную социологическую мотивацию. Поэтому наши семьи объединяют все свои усилия и посылают наиболее одаренных детей в университет, чтобы они по возвращении послали учиться других и т. д.

— *Как Палестина выстраивает отношения с арабским миром? Как Вы*

оцениваете культурную интеграцию Палестины в арабский мир? (вопрос из зала)

— Мы являемся сороковой частью арабского мира. Но я всегда говорю, что арабский мир един и в то же время множествен в том смысле, что у нас общее наследие, культура, но мы имеем и региональную специфику. Палестинцы внесли большой вклад в арабское пробуждение, проявив себя на арабской культурной арене. Недавно в Вашингтоне Культурный центр имени Кеннеди проводил Месяц всеарабской культуры, на котором присутствовал и палестинский театр. Наши друзья в Вашингтоне рассказывают, что американцы были от него в восторге, потому что представления были впечатляющими, красиво сыгранными, хорошо поставленными и т. д. Таким образом, Палестина — часть арабского мира. Мы гордимся, что наша диаспора сильна во всем мире. И хотя палестинские мусульмане являются ее подавляющим большинством, для нас также важно и христианское меньшинство.

Сегодня в мире около 11 млн палестинцев. Мы — глобальное племя. Как я уже отмечал, мы стали евреями евреев. Сегодня наше рассеяние может быть и активом: палестинцы живут по всему миру — от Скандинавии до США и Австралии. Из 11 млн палестинцев 5 млн про-

живают в по-прежнему подмандатной Палестине между рекой Иордан и Средиземноморьем, а 6 млн человек рассеяны по всему миру. Так, в Сальвадоре, где наша община совсем невелика, она тем не менее играет важную роль. 5 лет назад там прошли президентские выборы, на которых кандидатом и от левых, и от правых сил были палестинцы (один из них был родом из Вифлеема). Таким образом, как я шутил, кто бы ни проиграл на этих выборах, победит все равно палестинец. И теперь президент Сальвадора имеет палестинское происхождение.

Мы, палестинцы, очень хорошо интегрируемся в принявшие нас страны, потому что относимся к ним как к второй родине. Из 11 млн палестинцев около 10 % имеют христианское вероисповедание, и я — один из представителей этого христианского меньшинства. Однако в палестинской политике христианское меньшинство представлено скорее чрезмерно, чем недостаточно.

В заключение еще раз пожелаю вам успехов в учебе и будущей деятельности. Надеюсь, вы посвятите часть вашего интеллектуального внимания Ближнему Востоку. Наша встреча была честью для меня и доставила огромное удовольствие!